

Николай Суворов

УСТРОЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ*

Неупорядоченность
университетской
жизни

Болонский и Парижский университеты, как объяснено было выше, послужили образцом для других. Но сами эти образцовые университеты, строй которых развивался под взаимодействием неодинаковых исторических условий, не выработали законченной организации: вместо стройного, в самом деле органического слияния всех элементов университета в одно целое с одним университетским средоточием, наблюдается беспокойное брожение и неупорядоченность университетской жизни.

Устройство
Болонского
университета

В устройство Болонского университета вошли последовательно следующие составные элементы: университет цитрамонтанов с ректором, университет ультрамонтанов с ректором, университет артистов с ректором, теологическая школа и коллегии докторов. Об университетах ультрамонтанском и цитрамонтанском (оба юридические) можно еще сказать, что органическая связь их выступила довольно ясно. Каждая из двух universitates, распадавшаяся в свою очередь на «провинции» или «королевства» (смотря по национальности членов университета), выбирала себе ежегодно ректора. При ректоре состояли советники (consilarii): как представители от «королевств», т.е. наций, землячеств, они выбирались этими последними. Оба ректора, вместе с их советниками, составляли правление целого юридического университета, оба представляли на общих собраниях, составлявшихся из всех школяров, или из представителей, выбранных провинциями; в общих собраниях избирались новые ректоры на место уходя-

* Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898. Глава 3.
Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005 №3. С. 199–206;
№4. С. 188–198; 2006. №1. С. 197–211; №2. С. 216–236; №3.
С. 236–243; №4. С. 228–237.

щих, а за выбором ректоров избирались смешанная комиссия из четырех членов (двое ультрамонтан и двое цитрамонтан), называвшихся синдиками, для обрешивания ведения вел выбывающими ректорами и для привлечения их, в случае надобности, к отчету. Смешанными же комиссиями составлялись общеуниверситетские статуты, хотя случалось и то, целая universitas издавала предписания для одной из половинных. Во всем этом, несомненно, усматривается ясное выражение мысли, что обе universitates суть органические части единой всеобщей universitas: в XVI для обеих и стал избираться один общий ректор, хотя университеты ультрамонтанский и цитрамонтанский все еще продолжали различаться. Выбор в ректоры производился только школярами, и в ректоры избирался только школяр, хотя и случалось изредка, что выбор школяров мог пасть на доктора, разумеется, чужеземца, а не болонца. Ректор, как и вообще в средневековых университетах, должен был, во всяком случае, иметь духовный сан, хотя бы низшую его степень, так как ректор-мирянин был бы неспособен осуществлять университетскую юрисдикцию над духовными членами университета. Тот факт, что ректор носил оружие, не говорит в пользу прежних исследователей, выдавших в нем ясное указание на светский характер ректора. Право выбора на другие университетские должности также принадлежало школярам; они же сначала избирали и профессоров, пока и насколько профессура не сделалась оплачиваемой от города городской должностью. В 1420 г. из числа 21 профессоров-юристов только один был выбран университетом, остальные были определены в должность городом. В виде, так сказать, возмездия за утраченное право выбирать профессоров в позднейшее время оставалось за школярами избрание преподавателей на шесть особых кафедр, которые не могли быть замещаемы болонцами, а только чужеземцами, и притом такими, которые не имели еще докторской степени, а обязывались лишь в продолжение года получить такую.

Юристы, артисты
и медики –
сложные связи

Но если органическое единство двух юридических университетов выражалось в известных внешних формах, то напротив, таких форм не доставало для объединения с юристами отделившейся от них к началу XIV в. корпорации артистов, в которой в действительности господствовали медики, и ректор был из медиков. Связь этой корпорации с юристами обнаруживалась только в том, что лицензию и артисты получали от того же болонского архидьякона, от которого получали ее юристы,

что привилегии, дарованные Болонскому университету императорами, папами или городом, считались достоинством всех, изучающих различные научные специальности, и наконец, что все три *universitates* одинаково были подчинены городу, который смотрел на них, как на составные части своей болонской школы (*stadium bononiense*). В Падуе связь артистов с юристами была сильнее выражена. Здесь артистам так и не удалось отвоевать себе полную независимость от юристов. Хотя им и дозволено было с 1360 г. иметь особого редактора с образованием особого университета, но ректора, зависимо от юристов. Ректор артистов должен был под присягой обещать повиновение статутам юристов; апелляция на его решения должна была восходить к ректорам-юристам, и, кроме того, юридический университет облагал артистов налогами. В 1399 г. артисты были освобождены от подчиненности юристам в других отношениях, но апелляция осталась, да и освобождение состоялось, так сказать, возмездным способом. Тогдашний владетель Падуи Франциск Каррариа подарил за это юристам дом стоимостью в 500 дукатов, который с тех пор и остался университетским зданием. С 1473 г. две юридические *universitates* слились в одну и вместо ректора стали довольствоваться синдиком, или проректором, ввиду больших расходов, требовавшихся на ректорскую должность.

Теологическая школа

В XIV в. и в Болонский, и в Падуанский университет была введена теологическая школа, связь которой с университетом выражалась еще менее ясно, чем связь артистов с юристами. И организована она была по парижскому образцу, со средоточением всякой власти в руках профессоров, а лицензию болонским теологам должен был давать не архидьякон, а сам епископ.

Коллегия докторов и университет

Отношение коллегии болонских докторов к университету было весьма странным. Если университет в принципе был корпорацией школяров, и притом пришлых, чужеземцев, то коллегия докторов, напротив, была составною частью городского устройства и состояла из профессоров-граждан. Профессора, как и школяры, под присягою обязывались повиновением университетским статутам и ректорам; ректора могли штрафовать их за несоблюдение правил и вызывать к себе на суд, лишать их права на чтение и увольнять в отпуск, а с другой стороны, профессора были хозяевами школьного дела, *rectores studii*, и непременно должны были тяготиться своею зависимостью от ректоров, т.е., в сущности, от школяров. Недаром один итальянский ученый те-

оретик Средних веков на вопрос, может ли университет школяров обязать своими статутами докторов, отвечает отрицательно, потому, как говорит он, что это – *две корпорации, по обычаю отдельная одна от другой* (quia corpora sunt distincta de consuetudine). Вдобавок докторская коллегия не совпадала с наличием всех преподавателей данной научной отрасли, или, по-нашему, с факультетом. Во-первых, коллегия докторов-юристов не обнимала в одну организацию всех преподавателей (в нее входили 12 канонистов и 16 легистов); во-вторых, в нее допускались только доктора – болонские граждане, и при этом, вдобавок, в ее составе могли числиться такие доктора-граждане, которые в течение многих лет никаких лекций не читали и вообще никаких занятий по университету не имели, довольствуясь почетным титулом доктора, который был вместе и высоким общественным рангом. Благодаря докторскому титулу и низкорожденные вступали в высшие круги общества, и это обстоятельство, как замечает Кауфман, в те времена, состоявшие под господством сословных противоположностей, имело совсем другое значение, чем ныне. Постановления о костюме и законы о роскоши трактовали доктора как дворянина; при торжествах ему предоставлялось почетное место; доктор пользовался разными процессуальными привилегиями. Некоторым удавалось распространить докторские привилегии и на своих сыновей; были даже попытки сделать докторскую степень вообще достоянием только сыновей, братьев и родственников наличных докторов.

Взаимоотношения
города и докторской
коллегии

Город смотрел на докторскую коллегия, как на составную часть городского устройства и при всех столкновениях университета школяров с коллегией докторов следовал правилу поддерживать последнюю против первой. Немудрено, что и городская партийная борьба должна была отразиться на ученой коллегии: городское управление старалось сделать докторство доступным только тем горожанам, которые принадлежали к господствующей партии. А Болонья в XIII веке была исполнена яростной борьбы двух партий – Ламбертацци и Джеремеи, – в этой борьбе продолжала переживать старинная (общейталянская) противоположность гвельфов и гибеллинов. Верх большею частью оставался за Джеремеями. Торжество одной партии обыкновенно сопровождалось для другой конфискацией имущества и даже объявлением вне покровительства законов. В 80-х годах XIII в. партийная борьба носила особенно страстный характер. Одержавшие верх Джеремеи выгнали

противников из города, разрушили их дома, конфисковали имущество, имена их внесли в проскрипционные листы, и тут же, между прочим, состоялось воспреещение заносить кого-либо из Ламбертацци в докторскую степень. По этому поводу в болонском ученом мире разыгралась довольно бурная история. В 1295 г. ректора потребовали промоции некоторых из школяров, происходивших из фамилии Ламбертацци, но встретили отпор от коллегии докторов, а когда и город поддержал докторскую коллегию, ректора объявили докторов не принадлежащими к университету (откуда должно было вытекать воспреещение слушать лекции этих докторов) и лишенными всех, связанных с принадлежностью к университету, почестей и преимуществ, пригрозив при этом, что в случае неисполнения требования все школяры в будущем году оставят город. Ничего, однако, из этого не вышло, так как в среде самих школяров обнаружился раскол между юристами и медиками, и школяры подчинились городу. Но когда в 1299 г. докторская коллегия отказала в промоции одному болонскому гражданину, руководствуясь просто-напросто своими собственными соображениями о приятных и неприятных для нее людях, ректора снова выступили против докторов и на этот раз благоразумно постарались восстановить город против образа действий коллегии. Город пригрозил докторам высоким денежным штрафом, если они будут упорствовать в своем эгоистическом сопротивлении, и коллегия должна была уступить. В 1304 г. доктора снова сделали попытку монополизировать докторскую степень для своих фамилий, но город еще более повысил размеры штрафа (до 1000 лир с коллегии и до 300 лир с каждого члена в отдельности). И все-таки, вообще говоря, коллегия оставалась всегда доступною лишь для немногих избранных.

Споры между городом и университетом

Если к корпорациям школяров и к коллегиям докторов присоединить болонского архидьякона и болонского епископа, дававших лицензию на основании испытаний, произведенных докторами, и добавить еще к этому, что германская нация стояла особняком под своими прокураторами, то мы получим целый ряд органов, для деятельности которых не было в самом университете внутреннего средоточия, и если такое средоточие существовало, то оно находилось вне университета – в городе, который объединял эти органы в одно целое, сообщал законную силу постановлениям университетским или отказывал в ней. Город склонен был смотреть и на университет вообще, как на составную часть своего уст-

Слабое развитие коллегий в университетском устройстве

ройства, и на ректоров, как на своих должностных лиц. В действительности провести эту точку зрения было нетрудно в отношении к коллегии докторов, но в отношении к корпорации школяров было очень трудно, и поэтому неудивительно, что в столкновения университета с городом часто вмешивался папа, который держал обыкновенно сторону школяров против города.

Коллегии, в смысле общежитий, в Болонье, как вообще в итальянских университетах, не получили такого развития и значения, как в других университетах. Их было немного, и устраивались они для небольшого числа бедных школяров, которые получали в них помещение и содержание, но на лекции должны были ходить к тем профессорам, которые вообще преподавали учащимся данную специальность. Из числа этих коллегий выдавалась основанная в 1364 г. кардиналом Альборнозом коллегия св. Климента. Устройство ее было скопировано с университетского устройства (ректор, советники, синдики), и статутами ее предусматривался даже случай избрания наличного ректора коллегии в ректоры университета; но чтобы коллегия через своих должностных лиц имела какой-нибудь голос в университетских делах, в качестве особой юридической единицы, на это нет никакого указания.

Университетские статуты в Италии

Другие университеты Италии, кроме неапольского, усвоили себе общий с болонским тип городского университета, проведенный иногда даже с большею последовательностью и выдержкою, чем в самой Болонье. В Падуе, Перуджии, Флоренции, Сиене и в проч. городах составлены были университетские статуты, параллельно с которыми действовали самими школярами составленные статуты; при разноречии тех и других нужно было следовать городским, потому что статуты школяров заимствовали свою силу из утверждения их городом же. Наибольший интерес имеют падуанские порядки. Профессора избирались школярами при содействии семи приоров города; членами университета они не состояли, хотя и участвовали в привилегиях университетских, а, напротив, состояли на службе у города. Приглашая профессоров, город тут же обыкновенно и обязывал их подчиняться распоряжениям ректоров и выработанному этими последними учебному плану и порядку занятий. В случае неповиновения профессоров, несоблюдения ими учебного порядка или неисполнения вообще обязанностей, принятых ими на себя при их призвании городом, ректор мог штрафовать их, а в случае сопротивления доносил городскому начальству, уплачи-

вавшему им жалование. Город давал ректору своих чиновников для приведения в исполнение его распоряжений, и город же штрафовал его самого при неисполнении им своих обязанностей. Город определил, что ректор избирается только на год и вновь может быть избран лишь после трехлетнего промежутка. Ректор, хотя и избираемый школярами, делался более и более городским должностным лицом, который при том от города же получал и содержание. Самый же выбор ректора студентами держался в Италии до ХУШ в., так как еще при Марии Терезии студентам итальянским предоставлялось выбирать себе ректора. В неапольском университете не город, а король был все во всем. Он и лицензию давал, или непосредственно или через своего канцлера, он и суд держал через своего королевского судью, он и жалование платил профессорам, он же допустил известную комбинацию правительственного элемента с корпоративным. Школяры были разделены на три нации: местных уроженцев королевства, итальянцев из других земель Италии и неитальянцев, или ультрамонтанов. Королевский судья должен был осуществлять свою юрисдикцию вместе с тремя ассессорами, которые выбирались школярами, по одному от каждой нации, и из среды учащихся, а не магистров. Затем члены оценочной квартирной комиссии должны были избираться из школяров же, но профессорами, и наконец в суде рыночном (*in rebus victualibus* – в спорных делах, возникающих при покупке предметов продовольствия) должны были действовать совместно и профессора и школяры.

Организация
Парижского
университета

В Париже университетская организация составила из семи юридических единиц: трех факультетов, называвшихся высшими (теологического, юридического – на котором, впрочем, с 1219 года преподавалось только каноническое право, без римского, – и медицинского факультета), из четырех наций, образовавших в своей совокупности четвертый факультет артистов, который считался низшим. Этот относительный ранг факультетов воспроизводился потом и в германских университетах. Факультет артистов, который в XVI в. в Германии стал называться философским, занимал последний ранг между факультетами, потому что он был подготовительным для трех высших, или, другими словами, за изучение теологии, права и медицины принимались обыкновенно люди, не только прослушавшие курс «искусств», но и получившие ученую степень в искусствах, так как бакалавр или даже магистр искусств превращался в школяра по теологии, разумеется, не

всякий непременно, а только тот, кто желал сделаться доктором теологии, права или медицины. За отсутствием организованных, подготовительных к университету, учебных заведений, на факультет артистов могли поступать и такие юнцы, которые едва одолели грамоту и которые, следовательно, здесь же на факультете, при помощи «педагогий» и т.п. учреждений, должны были получать и низшее, и среднее образование. Впрочем, неправильно было бы равнять средневековый факультет артистов с нынешними гимназиями, потому что не целям только среднего (по нашим нынешним понятиям) образования служил он, а разрабатывал философию. Все философские проблемы, которыми волновались и интересовались средневековые умы, как, например, номинализм и реализм, зарождались и развивались именно на факультете артистов. А по своему многолюдству факультет этот мог получить даже преобладающее значение в университетском строе. Так и случилось в Париже. В самом деле, факультет искусств представлял собою, так сказать, широкий фундамент для университетского здания, которое кверху постепенно суживалось и верхних частей которого достигали лишь немногие из находящихся внизу. Факультет искусств в Париже обнял четыре нации, которые в свою очередь обнимали и учащихся и учащих, тогда как три высших факультета обнимали только учащихся, потому что учащиеся на этих факультетах, как имеющие степень «в искусствах», были причисляемы к факультету артистов и, следовательно, могли оставаться членами своих наций впредь до приобретения высшей ученой степени на одном из высших факультетов, после чего принадлежность к факультету искусств, а вместе с тем и к каким бы то ни было нациям, окончательно прекращалась. Нации распадалась на «провинции» или «королевства», а эти последние могли еще подразделяться на дицезы. Во главе каждой нации стоял прокуратор, а над ними глава факультета артистов – ректор.

Выборность
деканов

Во главе остальных факультетов стояли деканы. Деканы выбирались на два года; прокураторы на месяц; ректор сначала также на месяц, потом на шесть недель, с 1279 года на три месяца. В отличие от итальянских порядков, не только на высших факультетах, но и в нациях активное и пассивное избирательное право принадлежало исключительно учащим, и вообще право голоса в собраниях могли иметь только учителя. Даже и в привилегиях университета школяры участвовали постольку, поскольку они были учениками какого-нибудь оп-

Соотношение
степени магистра
и доктора

Перевес
артистов

ределенного учителя. Каждый из школяров, так сказать, прикреплял или приурочивал себя к известному учителю, который и учил его и был для него постоянным покровителем, выручая его из тюрьмы в случае, если бы он попал в нее, защищая перед факультетом, представляя к испытанию на ученую степень. Университетских матрикул не было, но учителя должны были вести списки своих учеников, и сумма таких отдельных списков образовала собою университетские матрикулы.

Учителя с высшею ученою степенью на факультете артистов назывались магистрами, на трех высших факультетах – докторами. Следовательно, отношение между учеными степенями – магистерскою и докторскою – было совсем не то, что ныне: магистр факультета искусств соответствовал доктору остальных факультетов, – в этом выразилась идея превосходства трех факультетов над четвертым, подобно тому, как в Болонье даже одни юристы претендовали на докторский титул.

Ректор четырех наций, глава многолюдного факультета артистов, постепенно сделался главою целого университета; но и сделавшись таковым, продолжал избираться только артистами и только из артистов. Таким образом, ректор Парижского университета всегда был из артистов, и в избрании его доктора высших факультетов не участвовали. Если ректор, во время прохождения им ректорской должности, желал получить степень доктора по одному из высших факультетов, он должен был сложить с себя ректорство: настолько строго выдерживался принцип, что только артист может быть ректором, хотя идея превосходства трех других факультетов над артистами продолжала еще некоторое время выражаться в том, что ректор – глава университета, уступал в ранге деканам высших факультетов.

Перевес артистов проявлялся и в том, что на общих университетских собраниях, составлявшихся из представителей от всех автономных единиц, каждый из трех высших факультетов и каждая из четырех наций имели по одному голосу. Следовательно, факультет артистов, обнимавший эти четыре нации, всегда имел четыре голоса против трех голосов остальных факультетов. Ректор созывал общие собрания и председательствовал на них. В общих собраниях обсуждались вопросы двоякого рода: частью такие, которые касались привилегий, общих для всех членов университета, частью такие, которые касались одной из семи автономных ассоциаций и могли быть разрешены ею самою. Например, в 1333 г., университет уничтожил в одной нации деление на про-

винции, в 1389 г. обязал бакалавров теологии жить в Париже вплоть до получения лицензии. По таким делам вмешательство университета требовалось только тогда, когда отдельная корпорация чувствовала себя слишком слабою, чтобы заставить своих членов подчиниться ее решению. Университет в таких случаях имел целью не столько издавать какие-либо новые, свои собственные постановления и распоряжения, сколько санкционировать своим авторитетом уже состоявшиеся постановления после предварительного обсуждения в факультетах или нациях. Факультеты и нации, повторяем, были самостоятельными корпорациями: имели свои статуты, своих должностных лиц, свою печать, свое имущество и доходы, свои праздники. Университет как таковой, можно сказать, даже не имел никакого имущества, и если, например, приходилось вести процесс или отправлять посольство, то нужно было прибегать к чрезвычайным сборам со всех членов университета. Да и частичные корпорации были не особо богаты. Некоторые из них владели домами, не очень ценными; факультету артистов принадлежали, между прочим, обширные луговые пространства, тянувшиеся вдоль Сены от улицы Св. Отцов до Эспланады инвалидов (Pre-aux clercs), но до XVII в. Они не приносили никакого дохода, так что этому факультету, в случае чрезвычайных расходов, приходилось прибегать к чрезвычайным сборам. Вообще же главным источником факультетских доходов была такса, взывавшаяся с каждого кандидата при каждом испытании на ученую степень. Из этого, преимущественно, источника покрывались издержки на устройство и поправку школьных помещений, а также на богослужение; излишек доходов над расходами в факультетах, особенно у артистов, делился между магистрами и педелями, и обыкновенно оставался в кабачке; нации иногда помогали больным магистрам и сужали своих членов деньгами под залоги; вообще же об экономии и о будущем не заботились, живя изо дня в день, и не мудрено поэтому, что парижский университет отличался своею бедностью.

Стремление
к единогласию

На факультетских собраниях трех высших факультетов и в собраниях каждой нации в отдельности голоса подавались поголовно всеми членами, причем старались достигнуть единогласия. Но в факультете искусств, как скоро составлялось факультетское собрание, каждая из четырех наций имела по одному голосу, каково бы ни было число ее членов. Нации обсуждали факультетские вопросы каждая порознь, а прокуратор сооб-

Отношения ректора университета с кафедральным канцлером

щал ее решение общему собранию, которое составлялось из представителей от наций, но иногда из всех магистров.

Последовательно создававшееся для ректора положение главы целого университета неизбежным образом вело его к борьбе с кафедральным канцлером, который с самого начала смотрел на себя, как на главу университета, а между тем обыкновенно имел ученую степень и иногда даже преподавал. Поэтому ректор стал приглашать его в качестве магистра университета на собрания наравне с другими членами университета, приписывая себе даже право штрафовать его наравне с другими магистрами в случае неподчинения его ректорским распоряжениям. Канцлер воспротивился этим притязаниям и обратился к папе, утверждая, что он, канцлер, есть глава университета, а не ректор. Университет же со своей стороны аргументировал, что глава его есть ректор, а двух голов не может быть, ибо иначе университет со своим ректором непосредственно подчинен папе, без всяких промежуточных инстанций. Как бы то ни было, власть парижского ректора никогда не сделалась столь обширною, чтобы выдержать сравнение с властью ректоров других средневековых университетов. Парижский университет не мог отрешиться от типа канцлерского университета как такого, в котором канцлеру принадлежит университетская власть, а не право только давать лицензию на основании испытаний, произведенных профессорами, – с другой же стороны, не мог и выдержать этого типа с той последовательностью, с которой он выдержан напр. в Оксфорде, где канцлер, превратившись в выборную должность, удержал за собою университетскую власть, и где, напротив, лекторская должность не развилась, так что оксфордского канцлера сравнивают в известных отношениях с парижским канцлером, а в других отношениях с парижским ректором. И это далеко не единственная неясность в строе парижского университета.

Запутанность отношений университета с церковной и светской властью

Оставалось недостаточно выясненным и регулируемым отношение университета к аббату Святой Женевиэвы и его канцлеру, а равным образом кафедральному капитулу в полном его составе: оказывается, в качестве докторов канонического права считали себя вправе читать лекции вне помещений университетских и вне университетского надзора, требуя в то же время, чтобы чтения их признавались университетскими. Затем попам весьма часто приходилось вмешиваться в дела университета и не только поддерживать его против

канцлера, епископа, королевского правительства, но и регулировать его внутренний порядок. Денефле за время до 1260 года насчитывает более 140 папских булл, относящихся к Парижскому университету. А позднее усиливается более и более влияние короля и особенно парламента на ход университетских дел. В общем, Кауфман следующим образом характеризует запутанные отношения Парижского университета, которые другой исследователь (Тюро) называет прямо анархическими. На университет влияли кроме папы его легаты, король, королевские чиновники, парламента, епископ парижский и другие, вне университета стоявшие власти, которые часто вступали между собой в столкновение. Да и само университетское правительство составлялось из массы конкурирующих учреждений: ректор и канцлер, аббат Святой Женеьевы с его канцлером, факультеты с их деканами, нации с их прокураторами, капитул кафедральной церкви, собрание всех магистров и проч. — все эти учреждения действовали одно возле другого, не зная верных границ своих правомочий. В этот, по выражению Кауфмана, административный лабиринт превзошли еще коллегии и педагогии, так как и начальников этих заведений ректор приглашал на собрания, вместе с деканами факультетов и прокураторами наций, и пользовался ими, как университетскими органами, на которые возлагался известный ряд задач и которыми таким образом облегчалось дело факультетов и наций. О подчиненных служебных органах, каковы, например, педеля, имевшиеся и в итальянских, и во французских университетах, можно будет сказать ниже, при изложении устройства германских университетов, но о коллегиях следует сказать здесь же.

Квартирный
вопрос

Квартирный вопрос, как мы знаем, всегда обращал на себя внимание и пап, и королей, и итальянских городов, и разрешался первоначально особыми квартирными комиссиями, действовавшими на основании распоряжений папских и королевских, или на основании соглашения университетов с городами. Позднее потребность, вызывавшая тот вопрос привела к образованию коллегий. Происхождение коллегий в Париже, кроме указанной потребности и кроме желанья предохранить молодежь от деморализующего влияния улицы можно объяснять отчасти влиянием того примера, который подавали университетскому миру школы монашеских орденов, включенные в университет; способные из молодых монахов того или иного ордена командировались орденским начальством для занятия науками со значи-

тельными льготами для них в отношении исполнения орденских обязанностей. Жили они, обеспеченные от нищеты, от которой погибало немало школяров и магистров. Орден давал монаху-школяру книги, пищу, одежду, помещение, а молодому преподавателю обеспечивал достаточный контингент слушателей, и этим самым порождалась известная солидарность, благодаря которой ученый чувствовал, что не один он будет стоять против нападения ученых-противников. Первый опыт был сделан доминиканцами; примеру их последовали другие ордена, а затем и вообще стали устраиваться коллегии для известного числа магистров и школяров, не принадлежавших ни к каким орденам. В коллегиях штудирующий находил себе обеспеченное помещение и содержание вместе с книгами, обязуясь при этом подчинять свою жизнь известному режиму, скопированному отчасти с монастырского. В коллегиях могли находить себе приют люди не только без средств, но и со средствами, и не только школяры, но и магистры, желавшие устроить себе за сравнительно дешевую цену сравнительно более спокойную жизнь. Так как парижский университет не знал жалования профессорам, то коллегиятура (то есть место в коллегии с присвоенным ему содержанием), предоставлявшаяся профессору, сделалась суррогатом жалования.

«Революция»
в университетском
мире в XV веке

В XV веке произошла, можно сказать, целая революция в университетском мире: почти весь университет составлялся из коллегий и из пансионеров, так что живущие вне коллегии члены университета рассматривались как исключение из правил и носили особое название *Martinets*. Некоторые коллегии получили историческую известность. Наиболее известная и вместе одна из древнейших основана была в 1257 г. Камбрейским (позднее Парижским) каноником Робертом де-Сорбон, от имени которого и получила свое название Сорбонна.

Сорбонская
коллегия

Коллегия была учреждена для лиц из всех наций, прошедших «искусство» и выдержавших магистерское испытание или даже читавших уже лекции артистам, в качестве магистров, и желавших посвятить себя изучению теологии. Коллегия представляла собой ассоциацию, связанную общежитием и известным домашним порядком, требовавшим общего столования всех членов и общего их участия в церковных и научных торжествах, оставляя, однако, достаточно свободы для членов коллегии. Члены со средствами уплачивали в коллегия ту самую сумму, которая вносилась за бедных из средств коллегии. Члены подразделялись на гостей и

товарищей; управление принадлежало исключительно «товарищам», в числе 36, а товарищем мог сделаться только тот магистр искусств, который приобрел уже степень в теологии. «Гости» могли оставаться в коллегии не более 7 лет, и если в течение этого срока они оказывались не способными приобрести, по крайней мере, степень бакалавра теологического факультета, то должны были выйти и уступить место другим, более способным. Тот, кому удавалось получить в означенный период времени степень бакалавра, мог быть потом и гостем, и товарищем, но доктор теологии мог быть только товарищем и мог провести в коллегии всю свою жизнь. Товарищи ежегодно избирали из своей среды приора, который вместе с четырьмя старейшими товарищами управлял коллегией. А над ними стоял провизор, назначавшейся в свою должность ректором университета по соглашению с деканами факультетов и прокураторами наций и при участии архидиакона кафедрального капитула, канцлера и членов теологического факультета. Теми же лицами и тем же порядком провизор увольнялся от своей должности в случае, если оказывался неспособен. От них же должен был провизор испрашивать согласие в случае каких-либо важных решений. Статуты коллегии были составлены самим основателем, который выразил желание, чтобы они не были изменяемы: они действительно поддерживались в силе до самого момента упразднения коллегии (в первые дни великой революции).

Расцвет
Сорбонской
коллегии

Организованная таким образом Сорбонская коллегия, или просто Сорбонна, как ее называли, пышно расцвела и приобрела себе если не всемирную, то во всяком случае западноевропейскую славу. Помещения Сорбонны служили не только целям коллегий, а и общим задачам всего теологического факультета; мало того, Сорбонна стала считаться главнейшим театром деятельности парижского богословского факультета, зерном этого факультета, хотя в составе его были и другие коллегии. Добавка к титулу доктора парижского теологического факультета (*Doctor facultatis theologiae Parisius*) слов «коллегии Сорбонской» (*Doctor facultatis theologiae Parisius collegii Sorbonici*) придавала ученому особый блеск и авторитет. На решение сорбонских докторов восходили трудные вопросы теологии из всех стран Западной Европы. В затруднительных вопросах, возникавших иногда между королем и Римом, по поводу заблуждений религиозно-философских и общественно-политических, Сорбонна была Оракулом, к голосу

которого прислушивались все, начиная с государей. По пятницам в частности сорбонские доктора собирались для обсуждения разных «падежей» или случаев совести (*casus conscientiae*), причем дебатировались вопросы нравственного богословия под председательством старейшего из докторов, а сами вопросы приходили в Сорбонну или от священников, встречавшихся с ними в практике, или от любого мирянина, совесть которого требовала пролития света на темные вопросы. Мнения высказывались членами по порядку, начиная с младшего, и в заключение приступали к голосованию; один из младших резюмировал мнения большинства, а в следующем заседании снова поднимал тот же вопрос, пока мнение большинства не делалось мнением единогласным (что, однако, не всегда бывало). Епископы обращались в Сорбонну, спрашивая ее мнения насчет ортодоксии известного сочинения, касающегося религии и морали. Между прочим, каждый кандидат на теологическую степень в Сорбонне давал предварительно присягу признавать непорочное зачатие Пресвятой Девы. Сорбонна сумела составить себе превосходную библиотеку, которая заботливо управлялась конвентом товарищей.

Новаррская
коллегия

Кроме Сорбонны, большую известность имела коллегия Новаррская или просто Новарра, учрежденная в силу завещания королевы Жанны Новаррской, супруги Филиппа Красивого. Между тем как Сорбонна была открыта для всех наций, Новарра предназначалась для Франции и имела три отделения: для 20 начинающих (грамматиков), для 30 артистов и для 20 теологов, которые, однако, по приобретению высшей ученой степени должны были выходить, равно как должны были оставлять коллегия те, кто в течение семи лет оказался неспособным приобрести лицензию. Для каждого отделения поставлены учителя – руководители занятий, но артисты и теологи посещали кроме того чтения и других преподавателей соответствующего факультета (Сорбонна же в этом отношении была самодовлеющей). Управление коллегии принадлежало провизору, назначавшемуся на свою должность комиссией «губернаторов», в состав которой входили епископ Мосский, аббат С. Дени, канцлер, декан теологического факультета и доктор теологии из самой коллегии. Этой же комиссии провизор давал ежегодно отчет по управлению.

Бурсы и бурсаки

Каждое отдельное место воспитанника, живущего в коллегии, называлось в Средние века бурсой (кошельком), точнее говоря, бурсой называлась та денежная сумма, которая полагалась отдельному члену дома, так

как каждый получал на руки ассигнованную учредителем на отдельного пансионера сумму и потом уже вносил в кассу коллегии за свое помещение и содержание. Насколько именно этой денежной суммой обеспечивались места в коллегии, бурсу можно сравнивать, например, с отдельной кроватью в больнице. Впоследствии, особенно в Германии, бурсами стали называться общежития бурсаков. Фундаторы – отчасти миряне, большей частью каноники, епископы и архиепископы и кардиналы, учреждали не только коллегии, но и известное число новых бурс в существовавших уже коллегиях. Так как на факультете артистов оказывалась масса такой зеленой молодежи, которой раньше чем изучать логику с диалектикой нужно было пройти элементы грамматики, то по необходимости должны были развиваться «педагогии» или школы грамматики. Такие педагогии могли быть включаемы в коллегии, в качестве низшего отделения, самими фундаторами, пример чему мы видели в коллегии новаррской. Но большей частью педагоги устраивались в виде частных школ с пансионатами; это была школьная промышленность, индустрия особого рода.

Магистры-
предприниматели

Предпринимателями были магистры искусств; никто не мог устроить педагогию без разрешения факультета искусств и не принадлежа к этому факультету; докторам высших факультетов это право не предоставлялось. Магистр-предприниматель мог поступить двояко: мог нанять частное помещение для своего пансиона и в то же время заключить контракт с каким-нибудь преподавателем, обязывая этого последнего преподавать известный предмет, а сам обязываясь давать ему помещение и содержание; или же предприниматель устраивался со своими пансионерами в зданиях, принадлежащих какой-нибудь коллегии, – в таком случае он заключал контракт с целой ассоциацией членов коллегии, обязуясь платить коллегии известную сумму за каждого из своих воспитанников, а глава коллегии оставлял за собой право выдавать воспитанникам удостоверения об их занятиях. Кроме того, частными предпринимателями устраивались и коллегии в собственном смысле как пансионы для артистов, а не как школы грамматики. Вообще, все подобные учреждения состояли под некоторым контролем университета, и если не оказывалось повиновения распоряжениям факультета или университета, то данное учреждение не рассматривалось как учреждение университетское. О недостатках, которыми страдали коллегии, об их темных сторонах, будет сказано в последней главе.

Из других французских университетов о высших школах в Монпелье и Тулузе известно, что они отразили на себе итальянское влияние, хотя на Тулузский университет была распространена парижская «великая хартия». В Монпелье существовали два университета: медицинский и юридический (последний обнимал также и теологов с артистами). Главой медицинского университета был один из профессоров, носивший титул канцлера, занимавший эту должность пожизненно и избиравшийся епископом и тремя профессорами. Юридический университет распадался на три нации (провансальскую, бургундскую и каталонскую); главой университета был ректор, избиравшийся на год попеременно из трех наций; доктора не имели ни активного, ни пассивного избирательного права; избранный ректор утверждался епископом и давал последнему присягу. При ректоре состояло 12 советников (*consiliarii*), вероятно, по четыре от каждой нации. Ректор имел высший ранг пред всеми докторами и еще в XVI в. пользовался такою честью, что на улицах появлялся не иначе, как в сопровождении свиты из школяров. Возведение в ученые степени в обоих университетах – и в медицинском, и в юридическом, зависело от епископского одобрения, т.е. епископ был (и назывался) канцлером для обоих университетов (очевидно, это канцлерство не должно смешивать с тою канцлерской должностью, которая, как выше упомянуто, стояла во главе медицинского университета).

В Тулузе кафедральный схоластик в звании канцлера имел большее значение, чем парижский, и навсегда удержал за собою известный перевес над ректором, который, в свою очередь, в отличие от Парижа, выбирался не из артистов только, а попеременно разными факультетами. Прокураторы же не были главами наций, а были приданным к ректору советом из двух бакалавров и двух школяров, когда как в Париже всякие должности были в руках магистров.

(Продолжение следует)

